

А. В. Савицкая

ШВЕДСКАЯ МОДНАЯ ЛЕКСИКА: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ 40 ЛЕТ

Каждое время приносит свои исторические события, свои научно-технические открытия и свою моду. Последняя находит отражение в различных сферах жизни, в частности в языке, закрепляясь в лексических единицах, получивших название модных слов. Подобная лексика, как правило, вызывает неоднозначную реакцию со стороны как членов языкового коллектива, так и лингвистов. Вместе с тем трудно не согласиться с мнением У. Телемана о том, что обращение к спискам модных слов по прошествии времени чрезвычайно полезно и показательно¹. Всегда интересно выяснить, какое место эти слова заняли в основном словарном составе языка и в какой степени сохранили статус актуальных. Подобное исследование провел, например, Л. Мелин, проанализировав в 1993 г. модные слова за предшествующие двадцать лет². Думается, однако, что чем больше времени проходит с момента моды на ту или иную лексику, тем более объективной может быть картина ее судьбы в языке. Поэтому материалом для нашей статьи послужила подборка модной лексики 50–60-х годов XX в., представленная в книге У. Панелиуса и Т. Стейнбю «Шведские модные слова», вышедшей в 1970 г.³

В основу отобранного корпуса был положен материал, собранный сотрудниками крупнейшей шведскоязычной газеты Финляндии «Хувудстадсбладет». Однако участие в его обработке шведских специалистов по языковому нормированию во главе с Бертилем Мольде и ведущих шведских лексикографов того времени, а также богатый иллюстративный материал из крупнейших шведских газет

и журналов, безусловно, дает основание говорить об актуальности корпуса и для шведского языка Швеции. Если упомянутое исследование Л. Мелина строится преимущественно на результатах опроса информантов, то в предлагаемой статье корпус Палениуса и Стейнбю сопоставляется с данными толкового словаря *Svensk ordbok* (SO) 2009 г. издания⁴. Этот словарь включает 65 000 слов и ставит своей задачей «дать максимально полную информацию обо всех важнейших лексических единицах словарного состава шведского языка»⁵. Необходимо также отметить, что, помимо толкования значений лексических единиц, словарь указывает примерную дату их фиксации в языке. Кроме того, имеются сведения о времени появления у слов новых лексико-семантических вариантов и при необходимости отмечается период актуализации тех или иных единиц словарного состава языка. Помимо этого словаря, к работе привлекалось последнее издание Словника Шведской академии (SAOL)⁶, включающее около 125 000 слов.

Термин «модная лексика» появляется в шведском языкознании уже в начале XX в., однако большинство попыток дать ему точное определение и исследовать понимаемую под ним лексику приходится на последнюю треть XX в.⁷ Поскольку универсального определения «модной лексики» так и не было выработано, для анализа корпуса Панелиуса и Стейнбю логично воспользоваться именно их определением: «Под модной лексикой понимается слово или выражение, получившее быстрое распространение в языке и ставшее за короткое время популярным либо как таковое, либо в каком-то особом значении»⁸. Подчеркнем, что в модной лексике всегда присутствуют как новые лексические единицы, так и старые, актуализовавшиеся в силу определенных причин, чаще всего в результате приобретения ими новых лексико-семантических вариантов.

Книга «Шведские модные слова» представляет собой сборник небольших статей каждая по отдельному модному слову (иногда сразу двум), а в тексте статей приводится значительное количество производных от каждого слова, что служит лишним свидетельством попадания его в разряд «модных». Таким образом, общий корпус лексических единиц, включенных в «регистр» сборника, фактически распадается на две части: исходные слова и их производные. Общий корпус составляет порядка 330 единиц, около 90

из которых — исходные слова. Сопоставление с данными словарей показало, что около 120 единиц (13 из них исходные) отсутствуют в обоих словарях, а 17 единиц не фиксируются в SO, но присутствуют в SAOL. Различие между словниками словарей, как правило, объясняется тем, что в SAOL включено значительно больше композитов, чем в SO. В то же время SO часто приводит композиты в словарной статье одного из компонентов для иллюстрации его семантики. Если среди таких «иллюстраций» встречаются композиты исследуемого корпуса, то они трактуются как присутствующие в словаре.

Для начала рассмотрим ситуацию с «исходной лексикой». Из 13 единиц, не включенных в современные словари, 8 приходится на вынесенные в отдельные статьи продуктивные компоненты композитов, о которых будет сказано ниже. Оставшиеся пять единиц — это Black Power, diskrimination, establishment, neokapitalism, provos/provies. Главная причина отсутствия этой лексики в современных словарях заключается в том, что она очень тесно связана со своим временем. Так, актуализация выражения Black Power связана с активизировавшимся в 60-е годы XX в. движением темнокожего населения США за равноправное существование в обществе. Авторы сборника подчеркивают, что шведский эквивалент «черная власть» не отражал всей сути движение, поэтому пресса пользовалась английским выражением, причем настолько часто, что возникли и другие аналогичные выражения, например, Woman Power 'власть женщин в борьбе за равноправие с мужчинами'⁹. Слово provos употреблялось в разных странах, когда речь шла о молодежи, участвовавшей в разного рода протестных демонстрациях (в Швеции — прежде всего против войны во Вьетнаме). О «неокапитализме» заговорили в конце 50-х — начале 60-х годов XX в., когда быстрый экономический рост обусловил необходимость ряда изменений в традиционном капиталистическом обществе. Слово establishment, по мнению авторов сборника, попало в 60-е годы в разряд модных, поскольку общество испытывало в нем потребность, а шведский эквивалент, который покрывал бы все оттенки его значения, отсутствовал. Однако авторы предполагают, что уже давно укоренившееся в языке слово etablissemang может в дальнейшем также начать употребляться в значении 'истеблишмент, правящие

круги¹⁰. Время подтвердило их предположение: SO фиксирует у *etablissemang* это значение с 1970-х годов, но не включает в словарь *establishment*. Глагол *diskriminera* начинает активно использоваться в шведском языке в конце 40-х годов, что приводит к появлению по аналогии с английским существительного *diskrimination*, но, судя по всему, оно было быстро вытеснено существительными *diskriminering* и *diskriminerande*.

Анализируя хронологию закрепления «исходных слов» в словарном составе шведского языка с опорой на данные SO, можно обнаружить следующее: около 30 единиц вошло в язык именно в 50–60-е годы. У трех слов (*alienera*, *jämlikhet*, *trend*) с этого периода отмечается повышенная употребительность, они получают новые лексико-семантические варианты. Прилагательное *alternativ* приобретает дополнительную положительную характеристику (*ett alternativt samhälle* ‘качественно лучшее общество’), которая в дальнейшем сможет конкретизироваться: *alternativ mat* ‘экологически чистая пища’. Существительное *dialog* прежде всего в политическом контексте начинает обозначать ‘дружеский обмен мнениями (в противоположность конфронтации)’. Глагол *manipulera* также под влиянием политических процессов получает значение ‘кем-либо исподволь управлять’. Интересна ситуация со словом *eurokrat*. Его значение тоже претерпело специализацию: если в 60-е годы оно означало ‘человек, играющий определенную роль в европейской политике’, то SO фиксирует его только в значении, появившемся с 1992 г. ‘человек, работающий в администрации ЕС’, причем часто имеющем негативную коннотацию.

Говоря об «общем корпусе» сборника, можно отметить, что в подавляющем большинстве за пределами современных словарей оказались модные в 50–60-е годы композиты. Думается, что такой результат вполне предсказуем и объясняется спецификой шведского словообразования, а именно чрезвычайной продуктивностью основосложения. Попадая в разряд модных, лексическая единица, как правило, начинает активно использоваться в качестве одного из компонентов сложных слов, создавая цепочки композитов-«согипонимов». Однако по мере ослабления моды на такой компонент, далеко не все композиты удерживаются в основном словарном составе языка, а число композитов, включаемых в любой словарь,

всегда ограничено. Этот процесс наглядно иллюстрирует модный в 60-е годы компонент пу- 'новый'. В сборнике этому компоненту отведена отдельная статья с подробным описанием различных оттенков его значения, приводится 15 композитов, 9 из которых не фиксируются ни одним из используемых словарей. За пределами словарей остались в первую очередь сложные слова, у которых компонент пу- не указывал на новизну второго компонента в полном смысле слова (как это происходит в словах типа *nyord*, *nyanlagd*), а говорил о его актуализации, часто с некоторой модификацией семантики. Иначе говоря, не закрепились в словарном составе именно те композиты, в которых первый компонент пу- был данью моде: *nyduktig*, *nytjock*, *nytuff*, *nyvänlig*.

Можно отметить здесь и характерную приметку времени — появление в 50–60-е годы XX в. многочисленных политических и идейных течений, причем нередко на базе уже когда-то существовавших, что привело к возникновению ряда новых понятий, в наименовании которых компонент пу- подчеркивал некое отличие (иногда малосущественное или даже мнимое) от предшественника, выраженного вторым компонентом. В дальнейшей судьбе подобной лексики, вероятно, сыграла роль именно степень серьезности отличия нового понятия от исходного. Так, в словарном составе языка по-прежнему сохраняются: *nytänkande*, *nykolonialism* и даже *ny marxism*, а *ny kapitalism*, *ny radikalism*, *ny revolutionär*, *ny vänster* современными словарями не фиксируются. Вообще, из шести выделенных в сборнике в отдельные статьи первых компонентов SO фиксирует четыре: *anti-*, *ny-* (правда, в статье *neo-*), *pseudo-* и *punkt-*; не стали заголовочными словами словаря только *fin-* и *samhälls-*. Следует, однако, отметить, что из перечисленных в сборнике композитов с этими первыми компонентами в SO отражены очень немногие, зато почти во всех случаях там присутствует ряд других примеров сложных слов с названными компонентами.

В отдельные статьи в сборнике выделено также 7 вторых компонентов: *-fronten*, *-krati*, *-kultur*, *-riktig*, *-skadad*, *-störd*, *-vänlig*. В SO аналогичным образом выделяются только *-riktig* и *-vänlig*, что неудивительно, поскольку этим вторым компонентам исследователи шведского словообразования уже давно приписывают статус полу-

аффиксов. Можно лишь отметить, что современные словари фиксируют только очень небольшую часть имеющихся в сборнике примеров на использование этих компонентов: одно слово из шести в случае с -riktig и четыре слова из девяти в случае с -vänlig.

Иногда слово не выделяется в сборнике в отдельную статью как высокопродуктивный компонент композита, но присутствующее в корпусе обилие примеров на употребление его в этой функции не оставляет сомнений в его актуальности для основосложения в 50–60-е годы. Значительная часть подобной лексики подтверждает тезис о том, что слово часто попадает в разряд «модных» в связи с актуализацией тех или иных проблем в жизни общества. В корпусе, например, обильно представлены композиты с компонентом miljö ‘окружающая среда’, и поскольку данная тема не утратила своей актуальности, современные словари не только включают большинство примеров исследуемого корпуса, но и фиксируют ряд новых. Аналогичная ситуация наблюдается с компонентами jämlikhet ‘равноправие’, knark ‘наркотики’ и некоторыми другими. Развитие науки выводит в 50-е годы в число «модных» слово cybernetik / kybernetik ‘кибернетика’, однако в сборнике оно присутствует без производных, и авторы лишь прогнозируют их появление. Прогноз этот полностью оправдывается: уже Словарь неологизмов 2000 г. выделяет первый компонент cyber- в отдельную статью как особо продуктивный, а SO включает несколько сложных слов с этим компонентом и прилагательное cybernetisk / kybernetisk.

Важнейшая предпосылка попадания слова в число «модных» — приобретение им нового переносного значения. Нередко именно в таком случае слово быстро становится продуктивным для образования композитов, то наглядно иллюстрирует слово paket, получившее в 60-е годы значение ‘нечто, объединяющее разные составляющие (часто набор услуг, мер и т. п.)’. В соответствующей статье сборника приводится четыре композита: paketlösning, paketförslag, läromedelspaket, studiepaket. Словарь новой лексики 1986 г. включает уже семь слов со вторым компонентом -paket (informationspaket, läromedelspaket, skattepaket, sysselsättningspaket, undervisningspaket, åsiktspaket, åtgärds paket) и четыре с первым (paketavtal, paketlösning, paketpris, paketresa), а SO отдельно выделяет особое

значение этой лексической единицы как одного из компонентов сложных слов.

Однако не вся актуализировавшаяся сорок лет назад и прочно вошедшая в основной словарный состав языка лексика столь же часто фиксируется словарями в качестве компонента лексикализованных композитов. Например, в конце 60-х годов в шведский язык из английского попадает глагол *mobba* 'травить кого-либо', вслед за которым сразу образуются производные существительные *mobb(n)ing* и *mobbande*. Именно в этот период внимание шведского общества привлекает ситуация, когда группа людей травит кого-то одного, чем-либо отличающегося от остальных. И если первоначально эта лексика используется применительно к детскому коллективу, травящему какого-то отдельного ребенка, то постепенно ее распространяют и на проблемы среди взрослых, связанные, например, с отношением к иностранцам. Поэтому в исследуемом корпусе, помимо указанных единиц, присутствует четыре композита: *mobbningsbeteende*, *mobbord*, *mobbtendenser*, *mobbtiden*. Едва ли можно утверждать, что сама проблема утратила свою актуальность, однако ни один из этих композитов в современные словари не вошел. В SO вообще отсутствуют композиты с названными компонентами, а в SAOL имеются слова *mobbningsoffer* и *mobbningsproblem*, но нет ни одного композита с компонентом *mobb-*. Можно предположить, что он оказался полностью вытесненным компонентом *mobbning-*. Значительно сильнее связано со своим временем модное в 60-е годы слово *hippie* 'хиппи', поэтому вполне естественно, что оно на сегодня не особо актуально для основоположения. Современные словари фиксируют лишь единичные композиты с таким компонентом (в SO есть только *hippiekultur*), в отличие от исследуемого корпуса, в котором их четыре.

Несколько иначе следует рассматривать ситуацию с популярным на момент составления сборника вторым компонентом *-demokrati* (в корпусе имеется 10 подобных примеров). Здесь, по мнению самих авторов, понятие «демократия» нередко приобретает новые оттенки и подразумевает не государственное устройство, а возможность (причем нередко остающуюся только на бумаге) для всех заинтересованных сторон равноправно участвовать в некоем процессе, например, в трудовом (*arbetsplatsdemokrati*, *företagsdemo-*

krati), образовательном (högskoledemokrati, skoldemokrati, undervisningsdemokrati, studiedemokrati) или культурном (kulturdemokrati) или каком-либо ином (fängelsedemokrati)¹⁰. В этом случае второй компонент, несомненно, представляет собой дань моде, и вполне логично, что в современные словари включаются лишь единичные примеры подобных композитов.

Модная лексика всегда отражает волнующие общество проблемы, определенным образом характеризует его интересы и даже позволяет сделать некоторые наблюдения относительно уровня его развития. Исследуемый корпус включает ряд слов, которые, по сути дела, интернациональные. Многие из них вошли также и в русский язык, однако далеко не все они актуализировались в русском языке в тот же период. Так, слова, обозначающие социальные явления, связанные с молодежной культурой, такие как «битник» или «хиппи», вошли в русский язык приблизительно в то же время, что и в шведский. Вместе с тем ряд лексики общественного характера стал актуален для русского языка только в конце XX в., когда общество вступило в новую фазу развития. Только в этот период стали популярными модные в Швеции 60-х годов слова «элита» (элитарный, элитный), «истеблишмент», «плюрализм», «имидж» и некоторые другие, не говоря уже о «демократии»¹¹.

Подводя итоги, трудно не согласиться с мыслью У. Телемана о том, что «модная лексика» в большинстве своем постепенно занимает место в словарном составе языка, становится обычной и широкоупотребительной¹². Анализ шведской лексики, модной 40 лет назад, показал, что современные словари включают в свои словники подавляющее большинство «исходных слов» корпуса Панелиуса и Стейнбю, причем около трети из них считаются вошедшими в язык именно в актуальный период. В то же время обращает на себя внимание тот факт, что лишь немногие слова корпуса, по данным SO, приобрели в 50–60-е годы новые лексико-семантические варианты, а следовательно, попали в число «модных» по этому признаку. За пределами словарей остаются отдельные, тесно привязанные к своему времени лексические единицы, преимущественно заимствования. Вместе с тем проведенное исследование наглядно продемонстрировало некоторые характерные черты динамики шведского основосложения. Около трети единиц «общего корпуса» сборника

не фиксируется современными словарями, и это главным образом композиты, один из компонентов которых, будучи «модным» в 50–60-е годы, на настоящий момент этот статус утратил.

¹ *Teleman U.* Tradis och funkis. Norstedts ordbok, 2003. S. 193.

² *Melin L.* Modeord under tjugo år // *Språkvård.* 1993. Nr 2. S. 9–18.

³ *Svenska modeord* / red. O. Panelius, T. Steinby. Lund, 1970.

⁴ *Svensk ordbok utgiven av Svenska Akademien.* Stockholm, 2009.

⁵ *Inledning* // *Svensk ordbok utgiven av Svenska Akademin.* Stockholm, 2009. S. IX.

⁶ *Svenska Akademiens ordlista över svenska språket.* Stockholm, 2006.

⁷ См: *Савицкая А. В.* Модная лексика современного шведского языка // *Philologica Scandinavica: сб. статей к 100-летию со дня рожд. М. И. Стеблин-Каменского.* СПб., 2003. С. 176–177.

⁸ *Panelius O.* Modeorden // *Svenska modeord.* Lund, 1970. S. 7.

⁹ *Svenska modeord.* S. 26–27.

¹⁰ *Ibid.* S. 44.

¹¹ *Ibid.* S. 96.

¹² *Teleman U.* Tradis och funkis. S. 193.

Anna Savitskaja

TRENDY SWEDISH LEXIS: 40 YEARS AFTER, A LOOK BACK

This article aims to analyze popular Swedish lexis of 1950–1960's in comparison with the data represented in the latest dictionaries such as “Svensk ordbok utgiven av Svenska Akademien” (first edition 2009) and “Svenska Akademiens ordlista” (first edition 2006). The research has shown that approximately third part of 330 trendy words included in “Svenska modeord” (1970) does not appear in the latest dictionaries. Those are mostly complex words with one of the components gone out of date during recent 40 years and therefore lost its “trendiness”. There is also a number of lexical items, mostly loan-translations, that are strictly conditioned by its time reference and due to that fact has fallen outside of the scope of those dictionaries.